

18+

Астра Вейн

Только для него

Астра Вейн

Только для него

«Издательские решения»

Вейн А.

Только для него / А. Вейн — «Издательские решения»,

Зои Беннет приходит в клуб «Ворон», чтобы устроиться танцовщицей. Она не знает, что владелец — Сайлас Дрейвен, мальчик из её детства, исчезнувший десять лет назад. Он предлагает сделку: она танцует только для него. Так начинается история о любви, которая душит, и свободе, за которую приходится бороться. Смогут ли они выстоять, не потеряв себя?

© Вейн А.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Только для него

Астра Вейн

© Астра Вейн, 2026

ISBN 978-5-0070-6328-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Сайлас

Она вошла в мой клуб, даже не подозревая, что он мой. Стояла у входа в дешёвых джинсах, сжав лямку рюкзака так, что побелели костяшки. Смотрела на вывеску «Ворон» с таким лицом, будто переступает порог собственной гибели.

Я замер в вип-ложе. За тонированным стеклом, откуда видно всё, но меня никто не видит. Обычно я смотрю на сцену с ледяным равнодушием. Но сейчас мои пальцы сами собой впились в подлокотник кресла.

Я узнал её за три секунды.

За десять лет, три месяца и шесть дней.

Зои.

Та же лёгкая хрупкость, которую она ненавидела в себе. Те же русые волосы, только теперь длинные, до лопаток. Та же привычка кусать нижнюю губу, когда нервничает.

Она стояла в холле моего клуба и не знала, что я смотрю на неё сверху.

Не знала, что этот этаж принадлежит мне.

Что весь этот гребаный дом тьмы и денег построен на моих правилах.

Эмма вызвала меня по рации:

— Босс, тут девушка на танцовщицу. Говорит, срочно нужно. Посмотреть?

Я молчал десять секунд. Может, двадцать.

Потом сказал:

— Приведи её в мой кабинет. Скажи, что владелец хочет поговорить лично.

— Имя не спросишь? — удивилась Эмма.

— Не нужно.

Я знал её имя, даже если она взяла другое. Я знал её родинку на левой ключице. Я знал, как пахнут её волосы, хотя не чувствовал этого десять лет.

Зои Беннет пришла в мою клетку.

И она даже не догадывается, что обратной дороги нет.

ГЛАВА 1

«Черная дверь»

Zoi

Дверь в кабинет владельца была чёрной. Тяжёлой. С матовым стеклом, за которым угасался приглушённый свет — не жёлтый, а какой-то болезненно-золотистый, как в старых фильмах. Я стояла перед ней уже целую вечность.

Или просто минуту. Или пять. Я перестала чувствовать время где-то после того, как перешагнула порог клуба «Ворон».

Господи, как я сюда попала?

Я знала как. Я помнила каждую секунду последних трёх дней. Письмо от управляющей, напечатанное на дешёвой бумаге: «Просрочка платежа за три месяца составляет 4 850 долларов. В случае неуплаты в течение 10 дней будет подан иск о выселении». Четыре тысячи восемьсот пятьдесят. Я пересчитывала эту цифру сто раз. Потом обзванивала всех, кто мог бы одолжить.

Бывшая коллега по кафе, где я работала два года назад — «Извини, сама едва свожу концы с концами». Парень, с которым я встречалась три месяца — «Зои, мы даже не общаемся уже год». Единственная подруга, Лана — она заплакала в трубку и сказала, что у неё самой долг за учёбу.

В отчаянии я открыла браузер и ввела «работа для девушек срочно Лос-Анджелес». Выпал список. Доставка. Официантки. Няни. И — «Приглашаются вип-танцовщицы в элитный клуб. Доход от 1000\$ за ночь. Гибкий график. Конфиденциальность».

Я смотрела на эту строчку два часа.

Потом написала. Потом удалила. Потом снова написала.

Через день мне позвонила женщина по имени Эмма и сказала: «Приходи завтра вечером к восьми. Не опаздывай. Босс хочет посмотреть на тебя лично».

Я не спросила, кто этот босс. Мне было всё равно. Четыре тысячи восемьсот пятьдесят. Десять дней.

И вот я стою здесь. Тяжёлая дверь давит на плечо, когда я толкаю её. Дешёвые джинсы противно скрипят в тишине. Я надела лучшую рубашку — чёрную, облегающую, но на ней всё равно видно, что она из секонд-хенда. Волосы я собрала в пучок, чтобы выглядеть взрослее. Наверное, это не сработало. Я чувствую себя пятнадцатилетней девчонкой, которую сейчас отчитает директор.

Кабинет огромный. Такой огромный, что я сначала не понимаю, где находится человек. Тёмные стены — кажется, это дерево, но очень дорогое, чёрное, с редкими вкраплениями серебра. Тяжёлые шторы из бархата. Письменный стол из тёмного дерева — массивный, как алтарь. На столе: бутылка виски, один стакан, закрытый ноутбук, серебряная ручка, какой-то странный предмет — маска ворона. Маленькая, чёрная, с блестящими глазами.

За спинкой кресла висит пиджак — чёрный, безупречный. В углу — низкий диван, обтянутый чёрной кожей.

Напротив него — барная стойка с рядом бутылок. На стенах — фотографии в рамках. Чёрно-белые. Женские тела в движении.

Ни одного лица. И тишина. Такая густая, что я слышу, как бьётся моё сердце. Такая тяжёлая, что каждый шаг по толстому ковру кажется мне выстрелом.

— Садись.

Голос приходит из темноты у окна. Низкий. Холодный. Спокойный до мурашек, которые бегут по позвоночнику против моей воли. Голос, который не терпит возражений. Не потому что он громкий. А потому что он слишком тихий. Слишком ровный. Как лезвие.

Я не сажусь. Я стою. Смотрю в ту сторону, откуда пришёл звук. Мои пальцы сжимают лямку рюкзака так сильно, что костяшки белеют. Я заставляю себя дышать ровно.

Мужчина делает шаг вперёд. Второй. Третий. Свет от настольной лампы падает на его лицо — сначала на подбородок, потом на губы, потом на глаза.

Мир перестаёт существовать. Я знаю это лицо. Острые скулы, которые кажутся вырезанными из камня. Чёткая линия челюсти — ни грамма лишнего. Тёмно-карие, почти чёрные глаза, которые смотрят так, будто видят тебя насквозь — и уже приговорили. Приговорили к чему-то, чего ты не понимаешь. Нос с лёгкой горбинкой. Губы тонкие, сжатые в спокойной, почти ленивой линии.

И шрам на левой брови. Маленький. Белый. Почти незаметный. Я знаю этот шрам.

Я помню, как он получил его. Помню кровь, которая капала на мою грязную рубашку. Помню, как я плакала, а он сказал: «Не реви. Это просто царапина». Ему было двенадцать. Мне — десять.

— Сайлас, — выдыхаю я.

Моё горло сжимается. Имя выходит не голосом, а каким-то хрипом. Он не отвечает. Просто стоит. Молчит. Смотрит. И в его взгляде нет тепла. Нет удивления — он знал. Конечно знал. Эмма сказала ему имя. Или он увидел меня на камерах? В этом клубе наверняка везде камеры.

В его глазах — только то, от чего у меня перехватывает дыхание, а низ живота сжимается в тугой узел. Голод. Нет. Не так.

Одержимость.

Я видела этот взгляд один раз в жизни. За секунду до того, как он ударил парня, который толкнул меня в столовой. Тогда в его глазах было то же самое. Только тогда он защищал меня. Сейчас я не знаю, от чего он меня защищает. И защищает ли вообще.

— Зои Беннет, — произносит он моё имя.

Медленно. По слогам. Будто пробует на вкус спустя десять лет, четыре месяца и... я не помню сколько дней. Я перестала считать. Но он — я вижу — он считал.

— Ты искала работу в моём клубе.

Это не вопрос. Это утверждение. Приговор.
Я сжимаю лямку сильнее.

— Я не знала, что это твой клуб.

Правда. Чистая правда. Я читала отзывы в интернете. «Ворон» — одно из самых дорогих заведений в Лос-Анджелесе. Закрытый клуб. Вип-зона. Никто никогда не пишет имя владельца. Только «конфиденциальность гарантирована» и «безопасность на высшем уровне».

Он делает шаг ко мне. Теперь между нами меньше метра. Он высокий. Я знала, что он будет высоким — в двенадцать он уже был выше всех, но сейчас... сейчас он возвышается надо мной. Я примерно по грудь ему. Может, чуть выше. Мне приходится запрокидывать голову, чтобы смотреть в его глаза. Широкие плечи, которые заполняют всё моё поле зрения. Чёрная рубашка с закатанными рукавами. Тёмные брюки. Дорогие ботинки, которые даже не скрипят на толстом ковре. На правом предплечье — татуировка. Ворон, сидящий на ветке. Чёрный на бледной коже.

Перья прорисованы так тщательно, что кажутся живыми. Я смотрю на эту татуировку дольше, чем следовало бы.

— Теперь знаешь, — говорит он.

— Уходишь?

И тут должно было включиться всё, что осталось от моего здравомыслия. Должно было. Я должна была развернуться на пятках, выбежать из этого кабинета, из этого клуба, из этой части города. Должна была найти другой способ. Продать что-нибудь. Занять у кого угодно — у бандитов, у ростовщиков, влезть в долги под дикие проценты. Должна была. Но не сделала этого. Потому что в кармане моих джинсов лежало письмо от управляющей. Я перечитывала его сегодня утром, стоя в пустой квартире. В квартире, где уже отключили горячую воду. Где на столе стояла одна тарелка. Где не было ничего, кроме матраса на полу и стопки книг в углу.

«Выселение через десять дней».

У меня нет десяти дней. У меня нет денег. У меня нет семьи, которая могла бы помочь. Нет друзей с толстым кошельком. Есть только я. И этот клуб. И он.

Сайлас Дрейвен. Мальчик, который когда-то был моим домом. Мужчина, который сейчас смотрит на меня так, будто уже решил, что я останусь.

— Нет, — слышу я свой голос. Твёрже, чем чувствую.

— Не уйду.

Его глаза сужаются. Он молчит несколько секунд. Изучает моё лицо. Мои плечи. Мои руки, которые всё ещё сжимают рюкзак. Мой пучок. Мои дешёвые кеды.

— Ты знаешь, что здесь делают? — спрашивает он.

— Танцуют, — отвечаю я.

— Раздеваются, — поправляет он.

Его губы почти не двигаются. Голос становится тише. И от этого страшнее.

— Принимают деньги, — продолжает он.

— Молчат, когда к ним прикасаются те, кто заплатил. Иногда — улыбаются. Иногда — делают вид, что им нравится. Но никто из них не пришёл сюда за удовольствием, Зои. Они пришли за деньгами. Как ты.

Я сглатываю. Горло пересохло.

— В объявлении было сказано про вип-танцовщиц.

— И ты решила, что это что-то меняет?

Он делает ещё шаг. Я чувствую его запах. Древесина. Кожа. Виски. Мужской, тяжёлый, опасный.

Такой, от которого хочется сделать шаг назад. Но я не двигаюсь. Я запретила себе отступать.

— Вип-танцовщицы, — говорит он тихо, почти шёпотом,

— Танцуют для одного человека за вечер. В отдельной комнате. Иногда — за закрытой дверью. Иногда — без камер. Иногда — без свидетелей. И им платят так, чтобы они молчали. Платят так, чтобы они делали то, что скажут. Платят так, чтобы они не задавали вопросов.

Он наклоняется. Его губы почти касаются моего уха. Я чувствую его дыхание — горячее, ровное.

— Ты готова к этому, Зои?

Мои пальцы дрожат. Всё тело дрожит. Не от холода — в кабинете тепло, почти душно. От него. От его голоса. От близости. От того, что он стоит так близко, что я могу разглядеть крошечную морщинку у его глаза. Я заставляю себя не отшатнуться.

— Да, — говорю я.

— Готова.

Он выпрямляется. Смотрит на меня долгим, тяжёлым взглядом. И вдруг усмехается. Усмешка холодная. Безрадостная.

— Ты дрожишь, — говорит он.

Правда. Я не могу это контролировать. Мои руки трясутся. Ноги — тоже. Я чувствую, как дрожь поднимается от коленей к бёдрам, к животу, к груди. Он видит это. Конечно видит.

— Я просто замёрзла, — вру я.

— Ты всегда так плохо врала, — говорит он.

— В детдоме это было мило. Сейчас — нет.

Я сжимаю зубы. Злость — единственное, что может меня сейчас спасти. Злость и гордость.

— Сайлас, — говорю я.

— Мне нужны деньги. Быстро. Много. Я не пришла просить подачку. Я пришла работать. Если ты не хочешь меня брать — скажи. Я уйду и найду другое место.

Он слушает. Стоит неподвижно, скрестив руки на груди. В его глазах что-то меняется. Медленно. Опасно. Как будто я сказала что-то, что запустило механизм, который я не вижу.

- Другое место? — переспрашивает он.
- Ты пойдёшь в другой клуб?
- Если придётся — да.
- Будешь раздеваться перед другими мужчинами?
- Я буду делать свою работу, — отвечаю я.
- Не важно, перед кем.

Тишина становится вязкой. Тяжёлой. Я чувствую её физически — как будто воздух в кабинете превратился в смолу.

А потом он делает то, чего я не ожидаю.

Сайлас Дрейвен смеётся. Низко. Страшно. Без капли радости. Это даже не смех — это какой-то звук, который издаёт хищник, когда добыча сделала ложный шаг.

- Нет, — говорит он.
- Не будешь.

Он обходит меня. Медленно. Как зверь, который проверяет, куда лучше нанести удар. Я чувствую его взгляд на своей спине. На шее. На том, как напряжены мои плечи под ткань рубашки. На изгибе талии. На бёдрах, обтянутых джинсами. Я стою не двигаясь. Замираю как кролик перед удавом.

Он останавливается у меня за спиной. Близко. Так близко, что я чувствую тепло его тела. Мои волосы, должно быть, касаются его груди.

- Ты останешься здесь, — говорит он мне в затылок.
- Но ты не будешь танцевать ни для кого, кроме меня.

Я резко оборачиваюсь. Теперь мы снова лицом к лицу. Он так близко, что я вижу, как расширены его зрачки.

- Что?
- Вип-танцовщица, — повторяет он.
- Только для одного клиента. Меня.

Он смотрит на меня сверху вниз. Уголки его губ чуть приподнимаются — не улыбка, скорее удовлетворение от того, что он видит мою реакцию.

- Это безумие, — выдыхаю я.
- Это мои правила, — говорит он.
- Мой клуб. Моя танцовщица.

Он подходит к столу. Берёт бутылку виски. Наливает в стакан — ровно на два пальца. Не предлагает мне. Пьёт медленно, не отрывая от меня глаз.

Я смотрю на его кадык, который двигается, когда он глотает. Я не должна на это смотреть.

— Я не согласна, — говорю я.

— Тогда дверь там, — он кивает в сторону выхода, не поворачивая головы.

— Удачи с поисками. Но знаешь что, Зои?

Он ставит стакан на стол. Подходит ко мне снова. Вплотную. Берёт меня за подбородок. Пальцы — длинные, сильные — впиваются в кожу. Не больно. Но так, что я не могу отвернуться. Не могу опустить глаза.

— Если ты выйдешь отсюда и пойдёшь в другой клуб, — говорит он,

— Я куплю его на следующий день. И тебя уволят. А потом я куплю следующий. И ещё один. Я могу покупать клубы, пока ты не останешься без вариантов. Их много в Лос-Анджелесе, Зои. Но у меня больше денег.

Я замираю.

— Ты не посмеешь, — шепчу я.

Он улыбается. Холодно. Почти ласково. Такая улыбка бывает у людей, которые уже всё решили и просто ждут, когда ты это поймёшь.

— Ты забыла, кто я был в детдоме? — спрашивает он.

— Я защищал тебя от всех. Я бил тех, кто к тебе прикасался. Я спал у двери, чтобы ты чувствовала себя в безопасности. А теперь представь, что случится, когда я решу не защищать тебя — а держать.

Слово «держать» повисает в воздухе.

Он отпускает мой подбородок. Отступает на шаг.

— У тебя неделя на размышления, — говорит он.

— Но я знаю твой ответ.

— Откуда?

— Потому что я знаю тебя, — он смотрит на меня так, будто читает мои мысли.

— Ты не умеешь сдаваться. И проигрывать — тоже. А я только что дал тебе единственный способ не проиграть.

В кабинете тихо. Так тихо, что я слышу, как гудит холодильник за барной стойкой.

Как шумят кондиционеры где-то наверху. Как бьётся моё сердце — слишком быстро, слишком громко.

Я смотрю на него. На этого человека, который когда-то был мальчиком, ловившим для меня светлячков. На этого чужого мужчину в теле моего единственного детского воспоминания о доме.

— Какие условия? — спрашиваю я.

Мой голос не дрожит. Я горжусь этим. Он кивает на чёрный кожаный диван в углу.

— Садись. Разговор только начинается.

Я смотрю на диван. Потом на него. Потом снова на диван.

— Нет, — говорю я.

— Я буду стоять.

Он поднимает бровь.

— Боишься сесть рядом со мной?

— Я не боюсь тебя, Сайлас.

— Зря.

Он делает шаг ко мне. Я не отступаю. Теперь между нами ладонь. Он смотрит на мои губы. Долго. Так долго, что я начинаю чувствовать это взглядом — как будто он прикасается ко мне.

— Ты будешь танцевать в вип-комнате, — говорит он.

— На втором этаже. Закрытая комната. Только ты и я. Никаких камер. Никаких свидетелей.

— Камеры везде, — говорю я.

— Я читала.

— В вип-зоне для постоянных клиентов — нет, — говорит он.

— Это часть контракта. Конфиденциальность.

— Я не подписывала никакого контракта.

— Подпишешь.

Я сжимаю губы. Внутри поднимается злость. Хорошая, горячая, которая помогает не думать о том, что всё это значит.

— И что я должна буду делать?

— Танцевать, — говорит он.

— Раздеваться. Двигаться так, как я скажу.

— Ты будешь прикасаться ко мне?

Он молчит ровно три секунды. Потом его губы шевелятся в почти незаметной улыбке.

— Когда захочу.

— Я не проститутка, — говорю я. Жёстко. Резко.

— Я и не предлагаю тебе заниматься сексом за деньги, — отвечает он.

— Я предлагаю тебе танцевать для меня. Раздеваться для меня. Быть в одной комнате со мной, пока я смотрю. А что произойдёт дальше — зависит от тебя.

— От меня? — я усмехаюсь.

— Или от тебя?

Он наклоняет голову. Изучает меня. Как будто я сложная головоломка.

— Ты можешь в любой момент сказать «нет», — говорит он.

— И я останавлиюсь.

— Правда?

— Правда, — он говорит это серьёзно. Без намёка на шутку.

— Но ты должна понимать, Зои. Если ты скажешь «нет» после того, как я заплачу тебе... я просто больше не позову тебя. И ты потеряешь деньги. И работу.

— То есть ты платишь за возможность меня трогать?

— Я плачу за то, чтобы смотреть на тебя, — поправляет он.

— Трогать — это бонус.

Кровь приливает к моим щекам. Я чувствую, как горят уши. Он видит это. Конечно видит.

— Ты изменился, — говорю я.

— Раньше ты был другим.

— Раньше, — повторяет он.

— Раньше я был мальчиком из детдома, у которого не было ничего, кроме желания защищать тебя. Теперь у меня есть деньги, власть, клуб. И я не хочу тебя защищать, Зои.

— А что ты хочешь?

Тишина. Он смотрит на меня. Долго. Тяжело. Так, что я начинаю чувствовать его взгляд каждой клеткой.

— Я хочу смотреть, как ты двигаешься для меня, — говорит он.

— Я хочу видеть твоё тело в свете, который я выберу. Я хочу слышать, как ты дышишь, когда остаёшься без одежды. И я хочу знать, что никто другой этого не увидит. Никогда.

Моё сердце пропускает удар.

— Ты ненормальный, — шепчу я.

— Возможно, — он пожимает плечами.

— Но ты всё ещё здесь.

Я не могу спорить. Потому что он прав. Я здесь. Я не ушла. И я знаю, почему.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Что?

— Сколько ты заплатишь?

Он смотрит на меня. И вдруг улыбается. По-настоящему. Впервые за этот вечер.

— Пять тысяч за первый танец, — говорит он.

— Если я останусь доволен — десять за второй. Потом будем договариваться.

У меня перехватывает дыхание. Пять тысяч. Это покрывает долг. Полностью. За один вечер.

— Я согласна, — говорю я быстрее, чем думаю.

— Не сомневался, — он кивает.

— Тогда завтра. В девять вечера. Комната 7 на втором этаже. Приходи в том, в чём тебе будет удобно раздеваться.

Он разворачивается и идёт к столу. Садится в кресло. Откидывается на спинку. Закрывает глаза.

— Ты можешь идти, — говорит он.

Я стою ещё секунду. Смотрю на него. На эту чёрную фигуру в огромном кресле, на бледные руки, лежащие на подлокотниках, на закрытые глаза. Он выглядит уставшим. И одиноким.

— Спокойной ночи, Сайлас, — говорю я тихо.

Он не отвечает. Я выхожу из кабинета. Закрываю за собой тяжёлую дверь. Прижимаюсь спиной к холодной стене в коридоре и медленно сползаю вниз, пока не сажусь на пол. Моё сердце колотится так сильно, что я чувствую его вкус во рту.

Я только что продала себя за пять тысяч долларов. Нет. Не продала. Я только что согласилась танцевать для человека, который когда-то был мне братом. Для мужчины, который смотрит на меня так, будто хочет сожрать. И я боюсь не того, что он сделает со мной завтра. Я боюсь, что мне это понравится.

ГЛАВА 2

«Комната 7»

Зои

На следующий день я пришла в клуб за час до назначенного времени. Не потому что хотела. Потому что не могла сидеть дома. Моя квартира пахла пустотой. Стены, которые должны были быть моей крепостью, давили на плечи. Матрас на полу напоминал, что у меня ничего нет. Ничего, кроме этого чёртового контракта, который я ещё даже не подписала.

Я сидела на кухне, пила холодный кофе и смотрела на телефон. Сайлас не написал. Не позвонил. Не прислал адрес. Только сказал вчера: «Завтра. Девять вечера. Комната 7». Ни «приходи», ни «жду». Просто факты.

В восемь я уже стояла у входа в «Ворон».

Вывеска горела красным. Ворон на чёрном фоне казался живым — будто смотрел на меня и ждал, когда я сделаю шаг. Два вышибалы у двери — здоровенные парни в чёрных костюмах — кивнули, когда я подошла.

— Вы Зои? — спросил один.

Я кивнула.

— Вас ждут. Второй этаж, комната 7. Эмма проведёт.

Эмма появилась из полумрака почти сразу. Вчера она была в строгом костюме. Сегодня — в чёрном платье, которое обтягивало каждый изгиб её тела. Короткая стрижка, острый взгляд, никакой улыбки.

— Следуй за мной, — сказала она и развернулась на каблуках.

Я пошла за ней.

Клуб днём выглядел иначе. Вчера

вечером здесь было темно, пахло духами и алкоголем, музыка била по ушам. Сейчас — приглушённый свет, пустые кожаные диваны, сцена без танцовщиц. Тишина. Только наши шаги по толстому ковру.

Мы прошли мимо бара. Мимо вип-лож на первом этаже — столики за бархатными шторами. Мимо длинного коридора, где на стенах висели те же чёрно-белые фотографии обнажённых тел. Женские спины. Женские бёдра. Женские руки, тянущиеся к чему-то за кадром. Ни одного лица. Эмма остановилась у лифта. Нажала кнопку с цифрой 2.

— Он сам тебе всё объяснит, — сказала она, не глядя на меня.

— Советую не спорить. Спорить с ним бесполезно.

— Я не собираюсь спорить, — ответила я.

— Хорошо.

Лифт открылся. Мы вошли. Двери закрылись, и я почувствовала, как кабина поплыла вверх. Всего несколько секунд — и мы на втором этаже.

Здесь было ещё тише. Коридор длинный, стены обиты чёрным бархатом. Пол — тёмное дерево. Лампы только на стенах — тусклые, едва освещающие путь. Каждая дверь — тяжёлая, чёрная, с золотым номером.

Эмма шла впереди. Мы прошли комнаты 1, 2, 3, 4, 5, 6... Остановились перед седьмой.

— Вот, — сказала она.

— Он уже внутри. Ждёт тебя.

Она развернулась и ушла. Даже не спросила, нужно ли мне что-то. Просто оставила меня одну перед чёрной дверью с золотой семёркой. Я стояла. Сердце колотилось где-то в горле. Я сжала пальцы в кулаки, заставляя себя не дрожать. Вчера я согласилась. Вчера я сказала «да». Но сейчас, когда нужно было толкнуть дверь и войти, всё моё тело кричало «беги».

Я не побежала. Я толкнула дверь.

Комната 7 оказалась непохожей на то, что я представляла. Я ожидала нечто вроде клубного вип-зала — диваны, столик, полумрак. Но это была... сцена. Маленькая, но настоящая сцена. Возвышение в центре комнаты, освещённое мягким золотистым светом. По бокам — два шеста от пола до потолка, блестящие, отполированные до зеркального блеска. Пол вокруг сцены — мягкий, тёмный, будто резиновый. Вдоль стен — низкие диваны, обтянутые чёрной кожей. Барная стойка в углу — с бутылками, стаканами, льдом. И кресло. Одно кресло.

Прямо напротив сцены.

В нём сидел Сайлас. Он был в чёрном костюме — пиджак, брюки, белая рубашка без галстука, расстегнута на две пуговицы. Волосы чуть влажные, будто он только что вышел из душа. Ноги скрещены, руки лежат на подлокотниках. Он смотрел на дверь.

Ждал.

— Ты рано, — сказал он.

— Я не люблю опаздывать.

— Это хорошо.

Он не встал. Не предложил сесть. Просто смотрел. И от этого взгляда — тяжёлого, голодного, разбирающего меня по частям — у меня пересохло в горле.

— Раздевайся, — сказал он.

Просто. Без предисловий. Я замерла.

— Что?

— Ты слышала, — его голос не изменился. Всё тот же низкий, спокойный тон.

— Раздевайся. Медленно. Я хочу смотреть.

Я стояла у двери в своих дешёвых джинсах, чёрной рубашке и кедах. И чувствовала себя так, будто меня только что окатили ледяной водой.

— Сайлас...

— Зои, — перебил он.

— Ты согласилась на условия. Ты здесь. Я плачу деньги не за то, чтобы ты стояла и смотрела на меня. Я плачу за танец. А танец начинается с одежды.

Мои пальцы дрожали. Я спрятала руки за спину, чтобы он не видел.

— Я не могу, — выдохнула я.

— Можешь, — он чуть наклонил голову.

— Ты просто боишься.

— Да! — вырвалось у меня громче, чем я хотела.

— Боюсь! Я не раздевалась перед мужчиной с восемнадцати лет. А сейчас мне двадцать восемь, и я стою в комнате с... с тобой. Которого не видела десять лет. И ты хочешь, чтобы я просто сняла одежду?

Он молчал. Тишина длилась секунду. Пять. Десять. Потом он медленно встал. Кресло скрипнуло. Он сделал шаг ко мне. Второй. Третий. Остановился в метре.

— Я не прошу тебя лечь со мной в постель, — сказал он.

— Я не прошу тебя делать то, что ты не хочешь. Я прошу тебя танцевать. Ты умеешь танцевать?

— Умела. В школе.

— Значит, вспомнишь.

Он подошёл ещё ближе. Теперь между нами была вытянутая рука. Я чувствовала его запах — тот же, что вчера в кабинете. Древесина, кожа, виски.

— У тебя красивое тело, Зои, — сказал он.

— Я помню его. Ты не изменилась. Тонкая талия, узкие плечи, длинные ноги. Ты была красивой девочкой. Ты стала красивой женщиной.

Я не знала, что ответить. Моё лицо горело.

— Я не буду трогать тебя сегодня, — сказал он.

— Я просто буду смотреть. А ты будешь танцевать. И когда ты снимешь всю одежду, я дам тебе пять тысяч долларов. И ты уйдёшь.

— Сегодня?

— Сегодня.

Я смотрела в его глаза. Чёрные, непроницаемые. Никакой насмешки. Никакой жалости. Только обещание.

— И ты не прикоснёшься ко мне? — переспросила я.

— Сегодня — нет.

Почему-то от его «сегодня» стало страшнее, чем от всего остального. Но я кивнула.

Я сняла кеды. Носки. Пальцы ног коснулись холодного резинового пола. Я заставила себя выпрямиться.

— Музыка будет? — спросила я.

Он достал телефон. Нажал пару кнопок. Комнату наполнил медленный, тягучий бит. Не тот, что я ожидала — не попса, не клубная электроника.

— Выходи на сцену, — сказал он.

Я поднялась на возвышение. Два шага — и я в свете. Тёплом, золотистом, который обливал мою фигуру. Сайлас сел в кресло. То самое, напротив. Теперь он был ниже меня — я на сцене, он в кресле. Но я всё равно чувствовала себя маленькой. Хрупкой.

— Начинай, — сказал он.

Я закрыла глаза. Я не умела танцевать эротический танец. Я вообще не умела танцевать. В школе на дискотеках я просто двигалась под музыку, как все. Но сейчас...

Я вдохнула. Открыла глаза. Я начала двигаться. Сначала медленно. Просто покачивать бёдрами в такт. Потом подняла руки над головой и потянулась всем телом. Позвоночник хрустнул. Плечи расслабились.

Сайлас не двигался. Только смотрел.

Я взялась за край своей рубашки. Помедлила секунду. И сняла её через голову. Осталась в чёрном лифчике. Дешёвом. Не кружево, не сетка. Просто хлопок.

Но когда я бросила рубашку на пол, воздух в комнате стал другим. Горячее. Я провела руками по своей талии. По животу. По бёдрам. Я не знала, что делаю. Моё тело двигалось само — будто кто-то включил механизм, о существовании которого я не подозревала.

Я растянула джинсы. Медленно стянула их. Сначала до середины бедра — показывая кожу, линию талии. Потом — ниже. До колен. До пола.

Я шагнула из джинсов, отбросила их ногой в сторону. Осталась в лифчике и трусах.

Бёдра продолжали двигаться. Я обошла шест — не знаю, зачем. Моя рука коснулась холодного металла. Пальцы скользнули вверх.

Я чувствовала его взгляд каждой клеткой.

Там, где он смотрел, кожа горела. Шея. Ключицы. Живот. Бёдра. Казалось, что он гладит меня глазами. Медленно. Грубо. Так, как я не позволяла ни одному мужчине.

— Лифчик, — сказал он.

Голос сел. Стал ниже, хриплее. Я не остановилась. Мои руки потянулись за спину. Застёжка щёлкнула. Бретельки сползли с плеч. Я не спешила. Я смотрела на него, пока лифчик падал на пол.

Его дыхание изменилось. Я услышала это — короткий, резкий выдох. Его пальцы впились в подлокотники кресла.

— Танцуй дальше, — приказал он.

Я танцевала. Я обняла себя руками. Провела ладонями по груди — случайно, не специально. Вниз по животу. К трусам.

— Нет, — сказал он.

Я замерла.

— Не снимай трусы, — его голос был почти злым.
— Сегодня — не снимай.

Я опустила руки. Танцевала в чём была. Бёдра кружились. Волосы рассыпались по спине. Я забыла, что я Зои. Забыла, что должна стесняться. Я стала движением.

Музыка стихла. Я не заметила, когда.

Я стояла на сцене в одних трусах, босая, с распущенными волосами. Я тяжело дышала.

Сайлас не двигался. Он сидел в кресле, вцепившись в подлокотники. Его челюсть была сжата. Глаза — чёрные, бездонные, полные того, что я не хотела признавать.

— Спускайся, — сказал он.

Я шагнула со сцены. Пол был холодным, но я не чувствовала. Он встал. Подошёл ко мне. Остановился вплотную. Я смотрела на его грудь, потому что не могла поднять глаза.

— Посмотри на меня, — сказал он.

Он взял меня за подбородок — как вчера в кабинете. Сильно, не больно. Я не могла отвернуться.

— Ты красивая, — сказал он.
— Ты самая красивая, что я видел.

Его большой палец провёл по моей нижней губе. Я вздрогнула.

— Я хочу тебя, — сказал он.
— Но я сказал, что не прикоснусь сегодня. Я сдержу слово.

Он отпустил меня. Отошёл к столу у стены. Взял конверт — жёлтый, плотный — и протянул мне.

— Пять тысяч. Как и обещал.

Я взяла конверт. Пальцы дрожали.

— Одевайся, — сказал он.
— Эмма проводит тебя до выхода.

Я натянула джинсы, рубашку. Кеды. Всё дрожащими руками. Он стоял спиной ко мне, когда я выходила.

— Сайлас, — сказала я.

Он не обернулся.

— Спасибо.

Он не ответил. Я вышла за дверь. Прошла по коридору мимо чёрных дверей с золотыми номерами. Эмма ждала у лифта.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Да, — сказала я.

Но внутри у меня всё горело. Не от стыда. Не от страха. От чего-то другого, чему я не хотела давать имя. Он не прикоснулся ко мне. Но я хотела, чтобы прикоснулся.

Эта мысль ударила меня, когда я вышла на улицу. Ночной Лос-Анджелес дышал жаром. Я сжимала конверт с пятью тысячами и понимала: Я в шаге от того, чтобы пропасть. И не хочу быть спасённой.

ГЛАВА 3

«Правила игры»

Зои

На следующее утро я проснулась с ощущением, что меня переехал грузовик.

Я лежала на матрасе, смотрела в серый потолок своей крошечной квартиры и прокручивала в голове вчерашнее. Танец. Сцена. Свет. Его глаза. Тяжёлые, голодные, прожигающие меня до костей. Я провела ладонями по лицу.

— Ты в порядке? — спросила я себя вслух.

Нет. Я не была в порядке. Я встала. Прошла в крошечную ванную, встала перед зеркалом. На меня смотрела женщина с растрёпанными волосами, тёмными кругами под глазами и странным выражением лица. Не испуганным. Не виноватым. Возбуждённым.

Я отвела взгляд. Конверт с деньгами лежал на кухонном столе. Я пересчитала их трижды. Пять тысяч долларов ровно. Ни больше, ни меньше. Хватило бы, чтобы закрыть долг за квартиру и дышать ещё месяц. Может, даже два, если питаться только рисом и не включать кондиционер.

Я должна была радоваться. Должна была чувствовать облегчение. Вместо этого я всё утро ходила по квартире, не находя себе места. Что-то было не так. Что-то во вчерашнем танце... оставило след. Не на теле. На чём-то внутри.

В полдень зазвонил телефон. Незнакомый номер. Я ответила после второго гудка.

— Зои, — голос Эммы, сухой и деловой.

— Босс хочет видеть тебя в четыре. Не опаздывай.

— Зачем? — спросила я.

— Обсудить детали. Контракт.

Она отключилась, не попрощавшись.

Я смотрела на телефон. Вчера он сказал, что не будет прикасаться ко мне «сегодня». Сегодня наступило. Что будет теперь?

В три часа я уже была готова. Джинсы, чёрная рубашка, кеды. Волосы собрала в хвост, чтобы выглядеть собраннее. Под глаза — тональный крем, чтобы скрыть круги. Я вышла из дома за час. Шла пешком, потому что не хотела тратить деньги на автобус. Лос-Анджелес жарил, асфальт плавился под ногами. Я думала о Сайласе. О том, каким он был раньше. О том, каким стал. В детдоме он был моим щитом. Я помнила, как он вставал между мной и старшими мальчиками, которые смеялись над моими веснушками. Как он бил их, даже когда был слабее. Как возвращался с разбитыми костяшками и говорил: «Не смотри на них, смотри на меня».

Я смотрела. Он был моим домом.

А потом пришли люди в дорогих костюмах. Они выбрали его. Сказали, что хотят усыновить — забрать из этого ада. Он стоял в дверях директорского кабинета и смотрел на меня. Я помню его глаза. В них было обещание.

«Я вернусь за тобой», — сказал он.

Мне было тринадцать. Мне сказали, что это ложь. Что богатые семьи не забирают детей из детдомов дважды. Я ждала год. Потом перестала.

И вот теперь он вернулся. Не за мной. За моим телом. Я усмехнулась своим мыслям и толкнула дверь клуба.

В «Вороне» днём было пусто, но чувствовалась жизнь. По коридорам ходили уборщики, за баром кто-то протирал стаканы. Свет горел везде — белый, холодный, безжалостно высвечивающий все недостатки. Без ночной полутьмы и музыки клуб выглядел как обычное здание. Дорогое, но бездушное. Эмма ждала меня у лестницы на второй этаж.

— Кабинет босса, — сказала она.

— Ты знаешь дорогу.

Я кивнула и пошла. Тяжёлые ступени скрипели под моими кедами. Коридор второго этажа был таким же тёмным и бархатным, как вчера. Комнаты 1—6 молчали за своими чёрными дверями. Комната 7 — тоже. Но мне нужно было не туда. Я постучала в дверь без номера. В самом конце коридора.

— Войди, — раздалось изнутри.

Я вошла. Кабинет выглядел так же, как позавчера. Чёрные стены. Тяжёлые шторы. Письменный стол из тёмного дерева. Виски в хрустале. Маска ворона. И он. Сайлас, сидящий в кресле, с ноутбуком на коленях. Сегодня он был в серой рубашке с длинными рукавами, закатанными до локтей.

Без пиджака. Я снова заметила татуировку — ворон на правом предплечье. Волосы небрежно зачёсаны назад. Он выглядел так, будто только что проснулся, но глаза были ясными и острыми.

— Садись, — сказал он, не поднимая головы.

Я села на стул напротив стола. Прямая спина, руки на коленях. Как школьница на экзамене. Он продолжал печатать ещё минуту. Я смотрела, как его пальцы бегают по клавишам. Длинные пальцы. Сильные. Я вспомнила, как вчера они сжимали подлокотники кресла, когда я танцевала.

— Ты пришла, — сказал он наконец, закрывая ноутбук.

— Ты позвал.

Он усмехнулся.

— Уже не споришь?

— Пока не с чем.

Он откинулся на спинку кресла. Скрестил руки на груди. Смотрел на меня в упор.

— Вчера ты танцевала хорошо, — сказал он.

— Лучше, чем я ожидал.

— Спасибо.

— Это не комплимент. Это оценка.

Я промолчала. Он встал. Прошёлся по кабинету. Остановился у окна, спиной ко мне.

— Теперь правила, — сказал он.

— Ты будешь танцевать для меня три раза в неделю. Вторник, четверг, суббота. Девять вечера. Комната 7.

— Хорошо.

— Каждый танец — отдельная оплата. Сумма зависит от моего настроения. Минимум — пять тысяч.

У меня перехватило дыхание.

— Это... много, — сказала я.

— Я знаю, — он повернулся ко мне.

— Я плачу не за движения, Зои. Я плачу за эксклюзивность. Ты не танцуешь ни для кого другого. Ты не спишь ни с кем другим. Ты даже не флиртуешь ни с кем другим. Понятно?

— Я не собиралась...

— Понятно? — повторил он жёстче.

— Да, — сказала я.

Он кивнул, довольный. Подошёл к столу, взял какую-то папку.

— Здесь контракт, — он положил её передо мной.

— Читай. Вопросы задавай сейчас.

Я открыла папку. Там было пять страниц мелкого текста. Я пробежала глазами.

«Танцовщица обязуется выполнять эротические танцы исключительно для Клиента в период действия контракта».

«Танцовщица обязуется не вступать в интимные отношения с третьими лицами».

«Клиент имеет право в любое время изменить условия выступлений (длительность, характер, костюмы)».

«Клиент имеет право прикасаться к Танцовщице способами, не наносящими необратимого физического вреда».

«Танцовщица имеет право отказаться от прикосновений Клиента в любой момент, но отказ влечёт за собой немедленное расторжение контракта без выплаты компенсации».

Я подняла глаза на Сайласа.

— То есть, если я скажу «нет» — ты просто вышвырнешь меня?

— Если ты скажешь «нет» без уважительной причины, — поправил он.

— Если я перейду черту, которую мы обсудим заранее — я остановлюсь. Но если ты просто передумаешь в процессе... да, контракт будет расторгнут. И ты потеряешь все будущие выплаты.

— А прошлые?

— Прошлые остаются у тебя. Я не забираю то, что уже отдал.

Я посмотрела на пункт про прикосновения. В горле пересохло.

— Какие прикосновения ты планируешь?

Он усмехнулся.

— Я не планирую. Я буду делать то, что захочу. В рамках разумного.

— Что значит «разумного»?

— Я не буду калечить тебя, Зои. Не буду насиловать. Не буду делать ничего, что ты категорически запретишь. Но я буду трогать тебя. Гладить. Целовать. Кусать, если захочется.

Моё лицо горело. Я смотрела в текст, но не видела букв.

— Ты можешь сказать «нет» в любой момент, — повторил он.

— Но если ты скажешь «нет» слишком часто, я просто перестану тебя звать. И ты останешься без денег. Это честная сделка.

— Честная? — я усмехнулась.

— Ты покупаешь моё тело за деньги и называешь это честным?

— Я покупаю твоё время и движения, — поправил он.

— Тело пока остаётся твоим. Пока.

Это «пока» повисло в воздухе. Я смотрела на контракт. На пять страниц, которые превращали меня в его собственность. На пункты, которые лишали меня права на нормальную жизнь. На подпись внизу.

— У меня нет выбора, — сказала я тихо.

— Есть, — он смотрел на меня спокойно.

— Ты всегда можешь уйти.

— И стать бездомной через десять дней?

— Я не предлагал тебе лёгких путей, Зои. Я предложил тебе единственный путь, который работает для нас обоих.

— Для тебя — да. Для меня — рабство.

Он покачал головой.

— Ты не рабыня. Ты можешь уйти в любую секунду. Ты можешь сказать «нет» любому моему требованию. Ты можешь не приходить на танцы. Я не привяжу тебя к батарее, Зои. Я просто перестану платить. И ты сама решишь, что для тебя важнее.

Я ненавидела его за то, что он был прав.

Я взяла ручку.

— Подпиши здесь и здесь, — он указал на две строчки.

Я подписала. Моё имя на бумаге выглядело так же, как всегда.

Но я чувствовала, что с этого момента я уже не та Зои, что была раньше. Он забрал контракт, положил в ящик стола.

— Поздравляю, — сказал он.

— Теперь ты официально работаешь на меня.

Он открыл ноутбук и снова уткнулся в экран.

— Ты можешь идти. В субботу, девять вечера, комната 7. Без опозданий.

Я встала. Направилась к двери.

— Зои, — окликнул он.

Я обернулась.

— Если ты кому-нибудь расскажешь об условиях контракта, я уничтожу тебя. Не физически. Юридически. Ты потеряешь всё. Даже эту квартиру. Ты меня поняла?

Я смотрела в его чёрные глаза и видела в них не угрозу. Обещание.

— Поняла, — сказала я.

И вышла. В коридоре я прислонилась к стене и закрыла глаза. Я только что подписала контракт, по которому моё тело стало товаром.

Я только что согласилась на то, чтобы меня трогали. Гладили. Целовали. Кусали. Я должна была чувствовать отвращение. Вместо этого низ живота сжался в тугий узел.

— Ты больная, Зои, — прошептала я себе.

Я пошла к лифту. На первом этаже меня ждала Лиза.

— Всё в силе? — спросила она.

— Да, — ответила я.

Она кивнула. Не улыбнулась. Не сказала «удачи».

— В субботу, — сказала она.

— Будь вовремя.

Я вышла из клуба. Солнце било в глаза. Лос-Анджелес жил своей обычной жизнью — машины сигналили, люди куда-то бежали, где-то играла музыка. А я стояла на тротуаре и чувствовала себя так, будто только что продала душу. И самое страшное — мне не было жаль.

ГЛАВА 4

«Первая ночь дома»

Зои

Я не пошла домой сразу после клуба.

Я бродила по городу часа два — без цели, без маршрута, просто ставила ногу за ногой и смотрела на огни. Лос-Анджелес жил своей ночной жизнью. Мимо проплывали витрины дорогих магазинов, фасады ресторанов, в которых я никогда не была, лица людей, которые никогда не узнают моего имени.

В какой-то момент я оказалась на скамейке в небольшом сквере. Деревья шумели над головой — не сосны, конечно. Пальмы. Чужие для меня деревья. Как и весь этот город. Я сжала в руке ключи от квартиры и подумала о том, что могла бы сейчас быть где угодно. В любом другом месте. С любой другой жизнью.

Но я здесь. И он здесь.

Сайлас. Имя отдавалось в груди чем-то тяжёлым и горячим одновременно.

Я закрыла глаза — и провалилась.

Одиннадцать лет назад. Детдом «Сосновая роща». Орегон. Мне было пятнадцать. Ему — семнадцать. Мы уже не были детьми. Но всё ещё были никем.

Детдом стоял на отшибе, посреди леса, который летом пах смолой, а зимой заваливало снегом по крышу. Сосны вокруг — высокие, вечные, равнодушные. Я ненавидела этот лес. Но ещё больше ненавидела то, что он был единственным, что я знала.

Меня привезли сюда в пять лет. Мать оставила у ворот с запиской: «Меня зовут Зои. Мне пять. Пожалуйста, покормите меня». Я не помнила её лица. Только руки — холодные, когда она отцепляла мои пальцы от своей куртки.

Я выросла в «Сосновой роще». Я знала каждый угол этого серого здания, каждую трещину на асфальте во дворе, каждое лицо воспитательницы, которая менялась каждый год. Но только одно лицо оставалось неизменным.

Сайлас. Его привезли, когда мне было семь, а ему — девять. Я помнила тот день. Он стоял в коридоре, грязный, худой, с глазами старого человека. Я сидела на полу у стены, обхватив колени, и смотрела на него. Он посмотрел на меня. И всё.

Мы не разговаривали первую неделю. Просто существовали в одном пространстве — столовая, спальня, двор. Он ни с кем не общался. Я — тоже. Мы были двумя теньями.

А потом случилось то, что случалось в детдомах всегда. Старшие мальчишки решили, что я — лёгкая цель. Мне было семь. Они отобрали мою тарелку в столовой. Смеялись над моими веснушками. Толкнули так, что я ударилась головой о батарею. Я не плакала. Я замерла, как зверёк, который понял, что бежать некуда.

А потом Сайлас встал между мной и ними.

Он был худым и невысоким для своих девяти. Но в его глазах было что-то, что заставило их остановиться.

— Отойдите, — сказал он. Тихо. Спокойно. Страшно.

Они не отошли. Он ударил первого. Потом второго. Получил сам — в нос, в живот, в челюсть. Но не упал. Не отступил.

Они ушли. Оставили нас вдвоём в пустой столовой. Сайлас повернулся ко мне. Кровь капала с его губы.

— Ты в порядке? — спросил он.

Я кивнула.

— Не бойся их, — сказал он.

— Бойся меня. Я буду тебя защищать.

С того дня мы стали неразлучны.

Я провела с ним десять лет. Десять лет он был моей семьёй. Моим братом. Моим домом. Он научил меня не бояться темноты — сказал, что монстры живут только в головах у тех, кто один. Он приносил мне книги из библиотеки, читал вслух по вечерам, когда другие дети спали. Сказал однажды: «Ты будешь писательницей, Зои. Ты будешь рассказывать истории. А я их буду читать».

Я не стала писательницей. Я стала никем.

Но он — стал всем. В пятнадцать он уже был высоким и широкоплечим. Другие мальчишки его боялись. Девочки засматривались. Но он смотрел только на меня. Я чувствовала это. И не знала, что с этим делать.

Когда мне было шестнадцать, я впервые подумала о том, что мои чувства к нему — не братские. Я смотрела на его руки, на его шею, на его губы, и внутри всё переворачивалось. Я не говорила ему. Я боялась. Боялась, что он оттолкнёт. Боялась, что не оттолкнёт.

Однажды ночью мы сидели на крыше детдома — наше тайное место. Смотрели на звёзды. Он курил — начал курить в четырнадцать, я не осуждала. Луна светила так ярко, что я видела каждую чёрточку его лица.

— Сайлас, — сказала я.

— Ммм?

— Ты когда-нибудь думал о том, что будет после?

— После чего?

— После детдома. Когда нас выпустят.

Он молчал. Затянулся. Выдохнул дым в небо.

— Я думаю, что заберу тебя отсюда, — сказал он.

— Мы уедем куда-нибудь. К океану. Или в горы. Я найду работу. Ты будешь писать.

— А если нас разлучат?

— Не разлучат, — сказал он твёрдо.
— Я не позволю.

Я поверила ему. Тогда я верила всему, что он говорил. А потом пришли они. Люди в дорогих костюмах. Мужчина и женщина — лет сорока, с богатыми лицами и пустыми глазами. Они ходили по детдому, смотрели на детей, как на товар. Выбирали.

Они выбрали его. Сайласу было семнадцать, когда его усыновили. Семья Дрейвен — богатая, влиятельная, из Сан-Франциско. У них не было наследника. Они хотели взять парня постарше, «уже сформировавшегося», как они сказали.

Я стояла в коридоре, когда директор объявил ему новость.

— Ты уезжаешь через неделю, — сказала она.
— Собирай вещи.

Он посмотрел на меня. Его глаза были пустыми. Я ничего не сказала. Я не могла. В ту ночь мы снова сидели на крыше. Он не курил. Просто сидел, смотрел на лес, молчал.

— Я вернусь за тобой, — сказал он наконец.
— Не надо, — ответила я.

Он повернулся ко мне. Злость вспыхнула в его глазах.

— Что значит «не надо»?
— Ты уезжаешь в новую жизнь, Сайлас. У тебя будут деньги, семья, будущее. Ты не должен возвращаться в это дерьмо.
— Ты не дерьмо, — сказал он.
— Я — часть этого дерьма, — ответила я.
— Здесь всё, что у меня есть. И ты — тоже. Но ты можешь быть свободным. Не ищи меня. Живи.

Он схватил меня за плечи. Сильно. Больно.

— Не смей говорить мне, что мне делать, — сказал он.
— Я сам решу, за кем возвращаться.
— Ты не вернёшься, — прошептала я.
— Такие, как ты, не возвращаются.

Я не знала, что эти слова станут самой большой ложью в моей жизни. В день его отъезда шёл дождь.

Машина ждала у ворот — чёрный длинный лимузин, неуместный среди серых зданий и грязного асфальта. Сайлас стоял в дверях, с одним рюкзаком. Приёмные родители ждали в машине. Не вышли. Не поздоровались с другими детьми.

Я стояла в коридоре, спрятавшись за колонной. Он нашёл меня взглядом. Подошёл.

— Зои, — сказал он.
— Уезжай, — ответила я.
— Пожалуйста.

Он взял моё лицо в ладони. Его пальцы были холодными.

— Я найду тебя, — сказал он.

— Через год. Через два. Через десять. Я найду тебя. И ты будешь моей.

Он поцеловал меня в лоб. Повернулся и ушёл. Я смотрела, как лимузин выезжает за ворота. Как он исчезает в дожде. Как моя жизнь разбивается на «до» и «после».

Я прождала его год. Потом два. Потом пять.

Потом перестала ждать. Я закончила школу. Уехала в Лос-Анджелес. Работала официанткой, уборщицей, продавцом в дешёвом магазине. Снимала комнаты в общежитиях, потом крошечную квартиру. Жила от зарплаты до зарплаты. Не писала книг. Не строила планов. Просто существовала.

А он стал Сайласом Дрейвеном — владельцем клубов, денег, власти. И я ничего не знала о нём, пока не увидела объявление о работе в «Вороне».

Я не знала, что он здесь. Я не знала, что он искал меня. Я не знала, что моя жизнь только начиналась. Настоящее время. Лос-Анджелес. Моя квартира.

Я открыла глаза. Скамейка в сквере. Пальмы над головой. Огни города.

Я сидела, обхватив себя руками, и чувствовала, как по щекам текут слёзы.

Я не плакала много лет. Не умела. А теперь — плакала. О том мальчике, который защищал меня. О той девочке, которая верила в обещания. О годе ожидания, который превратился в десять лет молчания. И о том, что он сдержал слово.

Он вернулся. Но не как спаситель. Как хозяин. Я вытерла лицо рукавом. Встала. Пошла домой.

Квартира встретила меня тишиной. Пустые стены. Матрас на полу. Холодильник, в котором только яйца и хлеб.

Я достала конверт с деньгами. Пересчитала снова. Пять тысяч.

Завтра я заплачу за квартиру. Найду работу. Может, уволюсь из клуба. Найду другой способ. Я знала, что не уволюсь.

Я знала, что в субботу приду в комнату 7. Разденусь. Буду танцевать. Позволю ему смотреть. Позволю ему трогать.

Потому что часть меня — та, шестнадцатилетняя, что сидела с ним на крыше — всё ещё ждала. Верила. Надеялась, что он не только заберёт моё тело. Но заберёт меня. Всю. Навсегда.

Я легла на матрас, свернулась калачиком и закрыла глаза. В темноте мне почудился голос:

— Я найду тебя. И ты будешь моей.

— Я уже твоя, Сайлас, — прошептала я в пустоту.

И провалилась в сон без снов.

ГЛАВА 5

«Второй танец»

Зои

Суббота наступила быстрее, чем я успела моргнуть. Три дня между средой и выходными превратились в какую-то липкую, тягучую пустоту. Я заплатила за квартиру. Отнесла чек управляющей, выслушала её дежурное «надеюсь, впредь будете пунктуальнее» и вышла на улицу с ощущением, что земля уходит из-под ног.

Пять тысяч. Целых пять тысяч долларов, которые исчезли за десять минут.

У меня осталось двести тридцать на еду и проезд до следующей субботы. До следующего танца.

Я не хотела думать о том, что будет, если он передумает. Если найдёт другую танцовщицу. Если его одержимость угаснет так же внезапно, как вспыхнула. Я хотела. Я думала об этом каждую минуту.

В пятницу вечером я стояла перед маленьким зеркалом в ванной и рассматривала себя. Тело, которое я прятала под дешёвой одеждой десять лет. Тонкая талия — спасибо генетике, я не толстела, сколько бы ни ела. Узкие плечи, которые он назвал красивыми. Грудь — не большая, но и не маленькая. Бёдра, которые я всегда считала слишком широкими.

Что он видел во мне? Что заставляло его платить тысячи долларов за право смотреть? Я не знала. Но в субботу вечером я снова стояла у входа в «Ворон».

В этот раз я была другой. На мне была юбка. Короткая, чёрная, из единственного приличного магазина, куда я могла пойти. Я купила её два года назад на распродаже, за двадцать долларов, и так ни разу не надела. Сегодня надела. Сверху — простая белая блузка, расстёгнутая на две пуговицы. Туфли — на низком каблуке, единственные, что у меня были. Я даже накрасилась. Немного. Тушь. Помада — тёмно-вишнёвая, почти чёрная. Я хотела выглядеть так, будто мне есть что терять.

Вышибалы пропустили меня без слов. Внутри клуба уже играла музыка — тихая, приглушённая, не та, что будет в комнате 7. Клуб оживал. Несколько посетителей сидели у бара. На сцене танцевала девушка — высокая блондинка в кружевном белье. Я смотрела на неё секунду и отвела взгляд.

Я не хотела знать, как выгляжу со стороны.

Эмма ждала у лифта.

— Ты рано, — сказала она.

— Он ещё не пришёл.

— Я подожду у комнаты.

Она кивнула. Я поднялась на второй этаж одна. Коридор был пуст. Чёрные двери с золотыми номерами молчали. Я остановилась у комнаты 7, прислонилась спиной к стене и закрыла глаза.

Сердце колотилось как бешеное. Я сжимала ремешок сумки так сильно, что пальцы онемели. Я боялась. Не его. Себя. В прошлый раз он не прикасался ко мне. Я ушла почти нетронутой — только взглядом, только словами. Сегодня он сказал, что правила могут меняться. Сегодня он может протянуть руку. И я не знала, что сделаю.

Дверь в конце коридора открылась. Я услышала шаги — тяжёлые, уверенные. Открыла глаза. Сайлас шёл ко мне. Сегодня он был в чёрном костюме — безупречном, дорогом. Белая рубашка, расстёгнута на три пуговицы. Волосы влажные, зачёсаны назад. Он выглядел так, будто вышел с обложки журнала. И так, будто готов был убить.

Он остановился напротив меня. Посмотрел сверху вниз. Его глаза скользнули по моему лицу, по шее, по блузке, по юбке.

— Ты нарядилась, — сказал он.

— Ты платишь, — ответила я.

— Хотя бы должна выглядеть соответственно.

Он усмехнулся. Открыл дверь комнаты 7 и жестом пригласил войти.

Я вошла первой. В этот раз я не стояла у порога. Я прошла к сцене, сняла туфли и поднялась на возвышение. Свет ещё не горел — только тусклые лампы по углам.

Сайлас закрыл дверь. Прошёл к креслу. Сесть сегодня не спешил.

— Музыка будет? — спросила я.

— Сначала поговорим, — сказал он.

Я замерла. Он подошёл к сцене. Остановился в шаге от неё. Смотрел снизу вверх — и всё равно казалось, что он выше.

— Ты знаешь, что я хочу сегодня? — спросил он.

— Нет.

— Я хочу коснуться тебя.

Моё сердце пропустило удар.

— Я знаю, — сказала я тихо.

— Ты можешь отказаться. Прямо сейчас.

Я смотрела в его чёрные глаза. В них не было жестокости. Было что-то другое — что я не умела называть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.